

если бы когда-нибудь ученые доказали, что она основана на иллюзии. Эта иллюзия слишком прочна, для того чтобы ее можно было рассеять какими-нибудь рассуждениями. Самый непримиримый детерминист еще долго будет говорить в повседневном разговоре «я хочу» и даже «я должен», и притом в согласии с наиболее могущественной частью своей души, той, которая не познана и которая не рассуждает. Столь же невозможно действовать не так, как действует свободный человек, как невозможно рассуждать иначе, чем детерминист, когда строят науку.

Черт не так страшен, как его малюют, и, может быть, есть и другие причины его не бояться. Можно надеяться, что в абсолюте все примиряется и что для неограниченного разума поведение человека, который действует так, как если бы он был свободен, и человека, который думает так, как если бы свободы не существовало вовсе, покажутся равнозаконными.

Мы последовательно вставляли на различные точки зрения, с которых можно рассмотреть взаимоотношения науки и морали; теперь следует перейти к заключениям. Нет и никогда не будет научной морали в собственном смысле слова, но косвенным путем наука может оказаться помощницей морали. Наука, широко понимаемая, может только ей служить; опасна лишь полунаука. Затем, одной науки недостаточно, так как она видит только часть человека или, если вы хотите, она видит все, но под одним углом и так как приходится думать о ненаучных умах. С другой стороны, опасения, как и слишком обширные надежды, кажутся мне одинаково химерическими. Мораль и наука по мере своего развития будут превосходно согласовываться друг с другом.

Глава X

МОРАЛЬНЫЙ СОЮЗ

Сегодняшнее собрание объединяет людей чрезвычайно различных взглядов, которых свели только добрая воля и одинаковое желание добра. Однако я не сомневаюсь, что они легко понимают друг друга, так как, если у них и различные мнения относительно

способов, то они согласны в конечной цели их стремлений, а только это и необходимо.

Не так давно можно было видеть, да и теперь еще можно читать на стенах Парижа афиши, сообщающие о диспуте на тему «Конфликт моралей». Существует ли этот конфликт, должен ли он существовать? Нет. Мораль может опираться на множество доводов, есть среди них трансцендентные; возможно, они наилучшие и, наверняка, наиболее благородные, но именно о них спорят. Есть среди них по крайней мере один, быть может, несколько опошленный, к которому мы не можем не присоединиться.

Реальная жизнь человека есть непрерывная борьба, против него действуют слепые, конечно, силы, но опасные, которые живо свалили бы его на землю, которые его погубили бы, задавили бы тысячью несчастий, если бы он не был постоянно готов сопротивляться им.

Если мы иногда наслаждаемся относительным покоем, то это потому, что наши отцы много боролись; ослабеваает на миг наша энергия, наша бдительность, и мы теряем все плоды их борьбы, все, чего добились для нас. Человечество подобно армии на войне, но всякая армия нуждается в дисциплине, и не достаточно того, чтобы она ей подчинялась в день сражения, она должна приучиться к ней со времен мира; без этой дисциплины гибель человечества очевидна, и никакая храбрость не сможет его спасти.

Все, что я сказал, вполне приложимо и к борьбе, которую человечество должно вести за свою жизнь; дисциплина, которую оно должно принять, называется моралью. В тот день, когда оно ее забудет, оно будет разбито и повержено в бездну горестей. Кроме того, в этот день оно переживет свое падение, почувствует себя менее прекрасным, так сказать, более маленьким. Пришлось бы огорчаться не только по причине тех бедствий, которые последуют, но и потому, что это было бы омрачением красоты.

Обо всем этом мы все мыслим одинаково, мы все знаем, куда нужно идти. Почему же мы разделяемся, когда речь идет о том, где нужно пройти? Если бы рассуждения могли что-либо сделать, согласие было бы легко достижимо. Математики никогда не спорят, когда дело идет о том, как доказать теорему, но здесь

дело совершенно иное. Создавать рассуждением мораль значит растрачивать свой труд: в подобных вопросах нет мысли, на которую нельзя было бы возразить.

Объясняйте солдату, сколькими бедствиями грозит поражение и что оно грозит даже его личной безопасностью, он всегда сможет ответить, что его безопасность будет лучше гарантирована, если сражаться будут другие. Если солдат так не отвечает, то потому, что он движим я не знаю какой силой, которая заставляет молчать все рассуждения. То, что нам нужно, и есть силы, подобные этой. Но человеческая душа — неистощимый резервуар сил, обильный и богатый источник движущих сил; этими движущими силами являются наши чувства, и нужно, чтобы моралисты взяли, так сказать, эти силы и направили их по правильному пути, точно так же, как инженеры покоряют естественные силы природы и направляют их на нужды промышленности.

Но здесь-то как раз и рождается различие. Чтобы привести в действие одну и ту же машину, инженеры могут применить либо силу пара, либо гидравлическую силу; так же и учителя морали могут по своему выбору пустить в ход одну или другую психическую силу. Каждый из них, естественно, выберет ту силу, которую он чувствует в себе; что же касается тех сил, которые могли бы прийти извне или которые он мог бы занять у соседа, то ими он распорядился бы нелепо, в его руках они оказались бы безжизненными и недейственными; он их отбросит и будет прав. Их методы будут различными, потому что различно их оружие. Почему же они должны враждовать?

И, однако, они придерживаются одной и той же морали. Будете ли вы иметь в виду общую пользу, обратитесь ли вы к чувству жалости и человеческого достоинства, вы всегда придете к тем же правилам; к тем, которые нельзя забывать без того, чтобы не погибли нации, без того, чтобы одновременно не умножились страдания и не пал человек.

Почему же эти люди, которые разным оружием сражаются с одним и тем же врагом, так редко вспоминают, что они союзники? Почему они подчас приветствуют поражения других? Забывают ли они, что каждое такое поражение является триумфом вечного

врага, уменьшением общего достояния? О, мы слишком нуждаемся во всех наших силах, чтобы не иметь права пренебрегать какой-либо! Поэтому не будем никого отталкивать, изгоним одну только ненависть.

Конечно, ненависть — тоже сила и очень могущественная, но мы не можем ею пользоваться потому, что она умаляет, потому, что она подобна лорнету, в который можно рассматривать лишь грубые очертания. Даже в отношениях между народами ненависть несправедлива, и не она родит истинных героев. Я не знаю, надеются ли по ту сторону некоторых границ, что ненависть увеличит патриотизм, но это противоречит инстинктам нашей расы и ее традициям. Французские войска всегда сражались за кого-либо или за что-либо, а не против кого-либо, и из-за этого они не сражались хуже.

Если внутри партии забывают великие идеи, составляющие их честь и смысл их существования, для того чтобы только и помнить о своей ненависти, если один говорит: «я противник этого», а другой отвечает: «я противник того», то горизонт немедленно сужается, как если бы опустившиеся облака закрыли вершины; пускаются в ход самые низкие средства, не отступают ни перед доносом, ни перед клеветой, а тот, кто станет этому удивляться, делается сам подозрительным. Мы замечаем появление людей, которые имеют ум только для того, чтобы лгать, и сердце для того, чтобы ненавидеть. А души, которые вовсе не вульгарны, как только они укроются под тем же знаменем, прячут богатства снисхождения, а иногда и удивления. И ввиду стольких противоположных ненавистей не решаются приветствовать поражение одной из них, которое явится триумфом других.

Вот все, что может сделать ненависть и чего мы по справедливости не желаем. Давайте же сблизимся в стремлении к общему идеалу, научимся понимать друг друга, а тем самым и ценить. Удержимся от предписания общих всем методов, это неосуществимо и, кроме того, это нежелательно: однообразие — это смерть, потому что оно закрывает дверь для всякого прогресса, и, кроме того, всякое принуждение бесплодно и жестоко.

Люди различны, среди них есть мятежные, которых может затронуть одно слово и на которых не

произведет впечатления все остальное. Я не могу знать, не является ли этим решающим словом то самое, которое вы готовы сказать, и я вам запрещаю его произнести!.. Но тогда вы видите опасность: эти люди, которые не получают того же воспитания, призваны получать удары в своей жизни. Под этими повторяющимися ударами их души задрожат, изменятся, может быть, изменят веру. Что произойдет, если эти новые идеи, к которым они присоединяться, окажутся теми, которые их старый учитель представлял им как отрицание самой морали? Не исчезнет ли когда-либо эта умственная привычка? В то же время их новые друзья не станут их учить только отказу от того, что они обожали, но будут учить презирать его. Они не сохранят для благородных идей, которые нянчили их душу, той нежной памяти, которая предшествует вере. В этом общем разрушении рискует погибнуть их моральный идеал; слишком старые для получения нового воспитания, они потеряют плоды старого!

Эта опасность была бы предотвращена или по крайней мере сдержана, если бы мы научились отзываться только с уважением об искренних усилиях, которые другие делают помимо нас; это уважение было бы для нас легким, если бы мы лучше знали друг друга.

Именно это и является задачей Лиги морального воспитания. Речи, которые вы услышите сегодня, в достаточной мере докажут вам, что можно иметь горячую веру и быть справедливым к вере ближнего и что в конце концов в различных формах, но мы являемся, так сказать, частями одной и той же армии, сражающимися бок о бок.